

університету імені Михайла Коцюбинського]. Серія: Історія. – 2008. – Випуск 13. – С. 126-131.

3. Chettiparamb, A. Interdisciplinarity: a literature review / Angeliqe Chettiparamb // The Interdisciplinary Teaching and Learning Group, Subject Centre for Languages, Linguistics and Area Studies, School of Humanities, University of Southampton, 2007. – 63 p.

4. Klein, J. A conceptual vocabulary of interdisciplinary science / J. Klein // Weingart P. and Stehr N. Practicing interdisciplinary. – London: University of Toronto Press, 2000. – P. 3-24.

5. Newell, W. A theory of interdisciplinary studies / William H. Newell // Issues in integrative studies: an interdisciplinary Journal. – An annual Publication of the Association for Integrative Studies, № 19. – 2001. – P. 1-25.

Левицкий А. Э.

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова, Москва

АНТРОПОНИМЫ КАК МАРКЕРЫ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

В современной лингвистической парадигме значительное внимание уделяется исследованию взаимосвязи языка и культуры. Именно поэтому в поле зрения языковеда попадают такие понятия, как «языковая личность» [2], «языковые и концептуальные картины мира» [3], различные аспекты межличностного (в том числе, вербального и невербального характера [5] с учетом гендерных, возрастных и социально-статусных параметров), а также межкультурного общения. Целесообразным представляется раскрыть особенности отражения культурных феноменов языковыми средствами в рамках определенной **лингвокультуры**. Предлагаемый подход позволяет, с одной стороны, сопоставить данные разных лингвокультур, а, с другой стороны, отметить возможные проблемы для реализации лингвокультурных маркеров в процессе общения представителей разных культур. В наше время уже не вызывает сомнения важность и точность передачи информации в процессе межкультурной коммуникации и перевода как одной из ее форм. Язык, таким образом, выступает инструментом проникновения в ментальность, а следовательно, ключом к пониманию этнически, культурно и социально маркированной информации. Язык при этом отражает не только духовный мир человека, но и определяет его как представителя определенного лингвокультурного сообщества.

В сопоставительном ракурсе изучение лингвокультур позволяет исследователю ограничиться сравнением отобранного материала для

выведения сходных и отличительных черт. Таким образом, речь идет о создании «портретов» языка и культуры определенного этноса на основе выявления их наиболее значимых свойств. В то же время, изучение особенностей «поведения» языков и культур в процессе их контактного взаимодействия, т. е. в ходе межкультурной и межъязыковой коммуникации таит в себе значительные перспективы. На передний план выходит *культура перекрестков* [7] как поиск оптимальных путей реализации собственной интенции в процессе межъязыкового, межнационального, межличностного и шире – межкультурного общения. Мало быть понятым, надо быть правильно понятым до мельчайших нюансов, чтобы информация, поданная как эксплицитно, так и имплицитно, была однозначно и адекватно декодирована. Это, в первую очередь, касается передачи фоновых знаний, что влечет за собой изменения в ассоциативном шлейфе слова. Следовательно, когнитивные параметры слова должны изучаться в тесной связи с параметрами коммуникативными. При этом, интерес к коммуникативности номинативных единиц может быть определен как совокупность целенаправленного воздействия «среды», в том числе и культурной, на систему языка [1; 6]. Данные, которые мы получаем в ходе анализа продуктов дискурсивной деятельности, все же значительно отличаются от той строгой иерархии, которой им следовало бы подчиняться по законам языка. Значительную роль в выборе того или иного языкового средства приобретают лингвокультурные стереотипы как традиции, зафиксированные в ментальности народа и находящие отражение в языковом выражении. Таким образом, вся структура языка и ее основные характеристики имеют национально-культурную основу, что особенно рельефно проявляется в ходе функциональной переориентации языковых единиц.

Наиболее ярко лингвокультурный аспект функциональной переориентации языковых единиц проявляется на примере отдельных функциональных классов, в частности, антропонимов. Несмотря на то, что в результате функциональной переориентации они, как правило, в дискурсивных образованиях не соответствуют своим истинным референтам, их возможность употребления в новой функции осуществляется благодаря существованию ассоциативных связей между конкретным референтом (*Плюшкин, Don Juan, Iago* и др.) и основной характеристикой, им присущей. Референциальная роль подобных дескрипций, когда они выступают в данной функции, основывается на том, что если она не соответствует тому, к чему относится, то утверждение, в котором она содержится, может быть передано заменой ее на дескрипцию, которая соответствует обозначаемому лицу. Причем,

сигнификат новой номинации имеет больший объем, а также большую вариативность в аспекте лексической и грамматической валентности: («*Людям надоело верить предсказаниям доморощенных нострадамусов*» («*Комсомольская правда*»)), выражает целостное представление об объекте высказывания в переносно-образной форме. Оно характеризуется обобщенностью смысла, связанностью компонентов, экспрессивностью. Антропонимы, употребленные в подобных контекстах, перестают функционировать как индивидуальные обозначения конкретных людей безотносительно к их чертам. Их функциональная переориентация завершается связью подобных единиц в высказывании с новыми людьми по аналогии и приобретением нарицательного значения.

В высказывании они наполняются содержанием, которое включает все знания коммуникантов о называемом лице, различающиеся полнотой качественной и количественной информации, но обязательно включающие субъективное отношение к референту на основе определенной лингвокультурной традиции. В этом свойстве антропонима можно усмотреть реализацию его категориального признака, выступающего предельно информационно насыщенной единицей в речи каждого коммуниканта, поскольку означивая объект, продуцент высказывания включает весь запас своих знаний о нем [4, с. 102] и ассоциаций, которые он вызывает. Безусловно, в данном аспекте особую важность приобретают обще-культурологические и индивидуально-когнитивные особенности коммуникантов, что выражается не только в соответствии их концептуальных картин мира, но и особенностей как языковых личностей – их отношение к базовым моральным принципам, ассоциациям и языковым выражениям. Итак, в высказывании возможно преобразование непонятного значения имени собственного в значении понятный, что придает данной языковой единице статус имени-символа. Например, «*Кати, Маши и Тани превращаются в «Наташ» уже не только по роду занятий – им дают новые имена*» («*Комсомольская правда*»).

Рассматриваемые единицы входят также в состав определенных словосочетаний и предложений, переориентируясь в составе всего комплекса: *all my eye and Betty Martin* (n) – ‘чепуха’, *to douse the Edisons* (v) – ‘выключить свет’, *down to Larkin* (n) ‘бесплатные напитки’, *every man jack* (pron) – ‘каждый’, *to hang a Lilly/Louie/Ralph* (v) ‘изменить направление’, *Not on your Nellie!* (interj.) ‘Hem!’, *jack in the box* (v) ‘огрбить’.

Отдельные же единицы объединены в бинOME сочинительной связью: *Cain and Abel* (n) ‘стол’, *Lilley and Skinner* (n) ‘обед’, *Tom and*

Dick (v) 'тошнить'. То же самое происходит и в русском рифмованном сленге, объединенном в диалогическом единстве: – *Кто? – Дед Пухто!* – рифмуются с «никто» и передает пренебрежение к собеседнику, означающее в зависимости от ситуации общения «Отстань», «Не задавай глупых вопросов». В данных сочетаниях наблюдается переход имени собственного от предметной номинации к сигнификации, обозначения некоего качества, оценки денотата. Результатом имеющей место нейтрализации видовых различий существительных и сохранения их общего родового значения является тождество их семантики в контексте бинома.

Итак, функциональная переориентация, которая приводит к изменениям внутри системы номинативных единиц языка, имеет ярко выраженный культурологический компонент, отражающих особенности той или иной лингвокультуры, что необходимо для их сопоставления и эффективности процесса передачи информации в межкультурной коммуникации.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и языка. – 1981. – №4. – С. 356-367.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
3. Корнилов, О.А. Языковая картина мира как отражение национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
4. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
5. Молчанова, Г.Г. Традиции гастики как отражение национальной и региональной идентичности / Г.Г. Молчанова // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – №2. – 2013. – С. 20-26.
6. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
7. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики / С.Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.

Лекторов К.С.

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Одесса

АНГЛИЙСКАЯ ПАРЕМИОЛОГИЯ, ВЕРБАЛИЗУЮЩАЯ КОНЦЕПТ *SECURITY*: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Паремиологические единицы иностранного языка (пословицы, поговорки и крылатые выражения) предлагают педагогу богатый